

21 ИЮЛ 1972

МАЛАУЛ Псейтук. Жили в нем, умирали, вновь рождались пахари и сиетоводы, сказители-ашуги, наевцы и музыканты... В Адыгейском национальном ансамбле выступали сестры Кадруковы. Широко разлетались народные песни в исполнении Усия Чушука. Сказителем и знатоком фольклора считался Умар Ахеджаков — он погиб в Великую Отечественную. Гордятся аульчане земляками — режиссером Меджидом Ахеджаковым, артисткой Кларой Хурум, великолепным музыкантом-исполнителем Кимом Тлевцеруковым. Среди многих профессиональных артистов, вышедших из Псейтука (а их, по словам поэта Киримизе Жанэ, не в шутку называют «могучей кучкой»), аульчане обязательно в числе первых назовут вам и Гошинау Самогову.

...Девять детей было в семье. Обуть всех, одеть... Отец — из тех, кто в 20-е годы всем сердцем потянулся к новой жизни. Гошинау — в отца. Крупная, щедрая на жесты, экспансивная. Если во что поверит, если цель увидит — верой своей зарядить сумеет, за собой поведет. Ей жизни многое дала. Десятилетка, учительский институт, с отличием — Ленинградская консерватория (партия Татьяны Лариной — дипломная). Дала ей жизнь возможность работать по 14 часов в сутки: уставать, радоваться, отчаявшись от неудач, вновь загораться, переживая восторг зрительного зала... И при этом не страшиться себя. Быть счастливой. Орденом «Знак Почета» награждена заслуженная артистка РСФСР Гошинау Самогова. Она не только певица. Я назову лишь три песни из ее сборников «Раздумье» и «Голос весны»: «У адыгов обычай такой», «Саида», «Солдатские вдовы». Поготоих в каждом ауле.

...Гошинау опустила ложь на стол, тяжело оперлась наклоненной головой на тонкие напрягшиеся пальцы, широко охватила ими лоб. Веки ее приупались, но по выражению глаз, сделавшихся совсем темными, бездонно глубокими, можно было угадать, что она в эти мгновения вслушивается в свой голос, всматривается в себя, стараясь всеми струнами души соприкоснуться с той давнишней реальностью, что породила песню.

...Когда это было? Самые древние старинки слышали эту историю от своих дедов. Жила в адыгейском ауле девушка по имени Адыиф. От бедности отчалились ее родители, захотели насилием отдать дочку замуж за постылого, нелюбимого. Но увез Адыиф темной ночью на коне ее возлюбленный. Через черный лес лежит их тропа. Легит конь. Вот уж и красная полоска утренней зари проглянула сквозь деревья. Вдруг выпорхнула из кустов им на встречу птица-фазан. Испугалась конь, шарахнулся в сторону; не удержалась Адыиф, разбилась. Рыдает несчастный юноша над мертвей любимой. Кто в силах утешить его? И сложил он песню-плач: много в той песне любви к Адыиф, много в ней ненависти к несправедливым обычаям...

За балконом многоэтажного дома сияет огнями вечерний Майкоп. Неоновые зарницы заходят в комнату Гошинау, отражаются в книжном шкафу, в черных досках пианино. Я слушаю певицу — и эти зримые приметы сегодняшнего дня отступают: голос песни, протяжный, тихий, тоскующий, при всей своей непохожести неуловимо перекликающийся с голосами русских обрядовых крестьянских песен, завораживает магией высокого искусства. Сколько в нем безысходного горя и любви! Слышали бы вы, с каким трагедийным накалом выговаривает Гошинау

АДЫГЕЙКА — ГОРДОСТЬ МОЯ

песенное это имя: «Адыиф»! Живя образами фольклора, она перевоплощается легко и естественно. Или мне это только кажется? Или на самом деле «легкость» требует огромной душевной энергии?

Посчастливилось Гошинау передать в песне природу той древней своей соплеменности, которая ушла в века, но не исчезла, не затерялась в них, а сумела дослать в наши дни импульс ве-

ликой своей любви к родной земле, доброту и сострадание к людям, живущим на ней.

Гошинау пела и чувствовалось, как ощущения, свойственные миру, в котором жила былинная ее героиня, наполняют певицу.

Был я уверен в эти минуты: пение Гошинау — это не искусственно вызываемые из небытия сколки с образами ее древних соплеменников, с их чувств и чаяний. Нет, образы эти не мертвые, они живут в каждой адыгейке. Как, впрочем, и в русской, и в украинке...

Не знаю, правомерно ли здесь вспоминать о нашей землячке киноактрисе Нонне Мордюковой, на творческой встрече с которой мне довелось недавно быть, но пусть не покажется читателям это надуманным: хотел я того или нет, во время бесед с Гошинау Самоговой я непроизвольно сравнивал этих женщин. И мне было радостно, когда я находил роднющие их черты. Почему? Да и что, казалось бы, у них общего? До последнего штриха русское лицо Мордюковой, которой, по ее же в шутку сказанным словам, на роду написано играть — на переиграть рабоче-крестьянских героинь, — и характерный профиль горянки Самоговой... Что роднит этих женщин? Умеют они проникнуть в поэтическую душу народа. И родство их не только артистическое, но и духовное. Счастливая судьба позволила каждой олицетворять тот народ, что сохранил и передал им традиции их предков.

— Не было у моего на- рода письменности до революции. И это отняло у нас возможность изучать прошлое по древним книгам.

Сказитель Цуг. Тучеж скру-

шался, что не мог записать свои песни. Но сказки,

песни, предания дошли все

же до нас из глубины веков

и стали связующим звеном

между днем нынешним и

минувшим. Я уверена: если

бы от племени адыгов не

осталось для потомков никаких других следов, кроме

песни, то и по ней можно бы-

ло бы составить понятие о

жизни этого племени!

Я слушаю Гошинау — она

хороший рассказчик. Ей уда-

ется немногими штрихами

нарисовать обстановку дома,

в котором она родилась, дать

портреты аульчан.

И вот я вижу хачец —

небогатую кунацкую, комна-

ту для гостей. На стене, на

рукотканом коврике, висят

двухструнная скрипка-шицеп-

шин, деревянная трещотка,

камыль — флейта, сработан-

ная из старого ружейного

ствола. И каждый, кто вхо-

дит в дом, может снять ин-

струмент со стены, обласкать

его теплом ладоней!

— Кунацкие были своего

рода университетами народ-

ного творчества, — расска-

зывает Гошинау. — Если же в аул заезжал известный певец, сочинитель, — и стар, и млад собирались слушать его. Вечера превращались в праздники.

НЕЗАМЕТНО вплетает

Гошинау в свой рас-

сказ то музыкальную фразу, то развернутую мелодию. Пот-

ет она без аккомпанемента, и голос ее звучит поэтому

особенно трогательно.

Исполнение старинных

песен об отечественных героях

приравнивалось адыгам к священнодействию, —

говорит Гошинау. — Песня бы-

ла святыней. И в то же время

она оставалась единствен-ной отдушиной в жизни за-

давленного темнотой и гнетом

народа. Рождался ребенок —

в честь его слагалась песня про то, каким сильным, сме-

лым джигитом он вырастет.

Бедная мать, качая колы-

бель, пела о счастье и уда-

чах, ожидающих ее малыша.

Но знала она, что жизнь сы-

на будет такая же нищая и

голодная, как и ее.

Заболевал человек — слагались песни «целебного»

свойства, умирал — песни-плачи. Словно лучик, проникала песня в безрадостную

лачагу бедняка. Лучшие песни

обретали крылья, станови-

лись достоянием народа.

— Вы знаете, — прерыва-

ет сама себя Гошинау. — я заметила, что для старин-ных адыгейских песен очень

характерно выражение «гу-щэ». Означает оно по-русски

«о горе!». Сколько скор-

би в наших старых песнях!

И вдруг иной напев родил-

ся в комнате. «Нысэиц

орэд» — свадебная. Вот где

проявляется экспансивная

натурал Гошинау! Вся она слов-но

лучится от радости, лицо в улыбке, ни тени не оста-

вила на нем печальная песня

о Адыиф! «Свадебной» пе-

ревод не нужен, она — о

счастье, о любви, о радости

жит на земле.

Много слышал я песен от

Гошинау Самоговой. Слышал и

кантату для симфонического

оркестра, хора, чтеца и со-

листа «Адыгейка — гордость

моя». Гошинау написала ее на

стихи Киримизе Жанэ в

честь полувековых юбилеев

автономии Адыгеи и образо-

вания Союза ССР. Торжес-

твенная песня повествует о

гордой горянке — не только

современнице Гошинау, но и

женщине, сумевшей сбре-ть в

условиях многовекового

феодального рабства все бо-

гатства своей души. В кан-

тате — и лирические раз-

думья, и публицистика, и па-

фос; в ней счастливо сочета-ся традиции фольклора и

современной песни. Сочине-

ние канта идет у Самого-вой параллельно с другой

работой — она пишет дис-

сертацию «Об истоках адыг-

ского песнеписьства». О

том, насколько трудно такое

совмещение научного и ком-

позиторского труда, не стоит

лишний раз говорить. Но

ведь в этом — и величай-шее

счастье: опосредованно

отразить в собственном дети-ще те мысли и образы, что

пришли в результате иссле-довательской работы.

— Говорят, в песне —

душа народа, его мечты, чая-ния в борьбе за лучшую

жизнь... — Гошинау как бы

думает вслух, словно стара-ется еще и еще раз постиг-нуть нечто для себя безмер-но дорогое. — А какова ду-ша старинной народной пес-ни, прошедшей многовековой

путем, отшлифованной в ве-еках? Слезы и надежды, гор-ести и радости скольких

миллионов людей слились в

старинной песне? И как мы

должны беречь каждое такое

дночестие его до грядущих по-ко-лений, как наши предки

донесли его до нас!

— Говорят, в песне —

душа народа, его мечты, чая-ния в борьбе за лучшую

жизнь... — Гошинау как бы

думает вслух, словно стара-ется еще и еще раз постиг-нуть нечто для себя безмер-но дорогое. — А какова ду-ша старинной народной пес-ни, прошедшей многовековой

путем, отшлифованной в ве-еках? Слезы и надежды, гор-ести и радости скольких

миллионов людей слились в